

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОЙН И ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

«ВОЙНА АЛЕКСАНДРА I ПРОТИВ РОССИИ» – НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОБЫТИЙ 1812 ГОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Ю. А. Блашков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, y.blashkov0904@gmail.com*

В статье рассматривается один из спорных моментов монографии Е. Н. Понасенкова «Первая научная история войны 1812 года» – позиция российского императора Александра I. Мнение автора сравнивается с реалиями эпохи наполеоновских войн. С очевидностью просматривается его субъективная оценка исторических источников, достаточно вольное обращение с методологией изучения истории.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; Александр I; исторический ревизионизм; методология исторического исследования; исторический источник.

THE WAR OF ALEXANDER THE FIRST AGAINST RUSSIA – A NEW INTERPRETATION OF THE EVENTS OF 1812 BY REPRESENTATIVES OF HISTORICAL REVISIONISM

Y. A. Blashkov

*Belarussian State University, Niezavisimosti, 4, 220030, Minsk, Belarus,
y.blashkov0904@gmail.com*

The article discusses one of the controversial aspects of the monograph by E. N. Ponasenkov «The first scientific history of the war of 1812» – the position of the Russian Emperor Alexander the First. Ponasenkov's opinion is compared with the realities of the era of the Napoleonic wars. Obviously, Ponasenkov's subjective assessment of historical sources is clearly visible, as well as a rather free use of the methodology of studying history.

Key words: Patriotic War in 1812; Alexander the First; historical revisionism; methodology of historical research; historical source.

200-летний юбилей «Грозы 12-го года» породил множество шокирующих заявлений, сообщений, публикаций. Для автора данной статьи квинтэссенцией всех подобных выступлений стало интервью с молодым российским исследователем Е. Н. Понасенковым, опубликованном в газете «Советская Белоруссия» от 12 сентября 2012 г. Ответом стала авторская публикация в № 11 за 2012 г. «Беларускай думкі» «Новейший Сатириконт», где разбирались дюжина позиций Е. Н. Понасенкова, с которыми трудно было согласиться [1].

Казалось, резонансный инцидент себя исчерпал. Однако в 2017 г. в печати появилась внушительная по фактуре (798 страниц текста, 1386 грамм чистого весового эквивалента, богатый иллюстративный материал) монография «Первая научная история войны 1812 года», в которой Е. Н. Понасенков подытожил все

свои предшествующие разработки по изучению нашествия на Россию «галлов и с ними двенадцать языщ». Кроме того, образ ее автора стал хрестоматийным для всякого рода современных СМИ. Все это породило уже десятки спорных, на наш взгляд, моментов интерпретации Е. Н. Понасенковым событий Отечественной войны 1812 г. и истории России в целом.

Естественно, в рамках одной статьи невозможно (в силу множества) осветить все кажущиеся несоответствующими исследовательской истине подходы автора «Первой научной истории...». Хотелось бы просто обозначить один из попадающих под это основополагающих моментов.

Как обычно, знакомство с названной монографией началось с «внешней критики» этого печатного издания. Действительно, его внушительная фактура просто поразила. Однако еще больше удивила размещенная на нахзаце (в интерпретации издателей – на второй доске переплета) аннотация. Здесь мы находим развернутые соображения об уникальности книги, автором которой является «крупнейший в России специалист по эпохе Наполеона, известный ученый-историк». Отмечается, что кропотливая работа позволила Е. Н. Понасенкову «создать принципиально новое описание» событий, сопричастных с войной 1812 г. Особо подчеркивается, что для автора характерна «безупречная точность научного изложения», которая «сочетается с яркой и элегантной манерой подачи материала».

Честно говоря, подобного возвеличения/самовозвеличения (аннотация дополняется помещенной на нахзаце нарциссической по своей сущности фотографией ученого, а также размещением его личных фото в иллюстрационном ряду) не приходилось встречать с далеких времен школьного знакомства с знаменитой «ревизорской» сценой вранья Ивана Александровича Хлестакова («Я везде, везде...»).

При знакомстве с «Первой научной историей...» было очень интересно познакомиться с методологией рассматриваемого исследования. В частности, в соответствующем блоке ее «краеугольным камнем» была объявлена «истина как высшая ценность» [3, с. 55]. При этом Е. Н. Понасенков торжественно провозгласил: «...я предлагаю обратиться к документам, к первоисточникам и последовательно изучить все заново: никаких штампов и эмоций – лишь факты, логика, Наука!» [3, с. 88]. Однако знакомство с содержанием монографии наводит на шальную мысль, что скорее здесь можно говорить о «методе», изложенном в куплетах Тристана, где он учит Теодоре противостоянию женским чарам (фильм Я. Б. Фрида «Собака на сене»): «Если вы на женщин слишком падки, / В прелестях ищите недостатки...».

В «Первой научной истории...» подобные поиски негатива отчетливо просматриваются в оценке деятельности императора Александра I в условиях наполеоновских войн. Е. Н. Понасенков в отношении «истории 1812 года» справедливо отмечает и особо выделяет, что **«образы, запечатленные в произведениях искусства, не менее важны, чем слова»**. Исследователь видит возможность расширить изобразительный ряд событий 1812 г. за счет «того, что отображено в подлинных документах эпохи». В частности, в предлагаемом им списке находим следующий сюжет: «Александр I бросает отступающую русскую армию – и уезжает в Петербург» [3, с. 621–622]. На наш взгляд, отъезд императора из армии, которой руководил М. Б. Барклай де Толли, нет оснований назвать бегством. Об этом красноречиво говорят, хотя бы,

сопутствующие отбытию из армии действия царя. 25 июня 1812 г. Александр I подписал манифест о начале войны с Наполеоном, где заявлял: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем». 6 июля 1812 г. был утвержден манифест о формировании народного ополчения. В призыве царя к населению встать на защиту Отечества содержалась ссылка на патриотизм русских в период польской и шведской интервенций в начале XVII в.: «Да встретит он [враг. – *Авт.*] в каждом дворянине Пожарского, а в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Минина!».

Как говорится, из официальных документов слов не выкинешь! А вот по мнению Е. Н. Понасенкова, из материалов личного происхождения сделать это вполне возможно. В частности, он высказывает недоверие к воспроизведению французским послом в России А. Коленкуром еще одного знаменитого патриотического высказывания Александра I: «Если судьба решит против меня на поле битвы, я скорее буду отступать до самой Камчатки, чем отдам губернии и подпишу в своей столице договор...». Аргументом для исследователя здесь выступает тот факт, что «происхождение данной фразы – не документ, а свидетельство пристрастного участника событий, который мог смотреть на все уже через призму случившегося» [3, с. 258]. В ответ можно только заявить, что все материалы личного происхождения имеют в основе анализ уже прошедших событий и несут в себе элемент субъективности. Почему же одним свидетельствам доверять можно (таких примеров в «Первой научной истории...» множество), а другим – нельзя?!

Еще одним доводом для Е. Н. Понасенкова в отрицании изложенной Коленкуром ситуации стал сарказм: «Сам тон и образ фразы весьма комичен: ну какая, простите, Камчатка? Поглядите на карту – туда очень сложно отступить... Как вообще изнеженный и ждущий регулярного подвоза французских духов Александр мог планировать посещение столь диких мест?» [3, с. 258]. Здесь с автором также можно поспорить. Вряд ли в начале XIX в. представление россиян (тех, кто хотя бы что-нибудь слышал о Камчатке) отличалось от видения этого дальневосточного полуострова полувековой давности. Н. Я. Эйдельман следующим образом описал уникальный случай из практики восприятия этих окраинных владений властями России: «Взойдя на престол, Елизавета Петровна посылает на Камчатку штабс-фурьера Шахтурова, с тем чтобы он доставил к ее коронации (т.е. через полтора года) шесть пригожих, благородных камчатских девиц. Представление царицы о размерах собственной империи были приблизительными: только через 6 лет (и на 4 года позднее коронации) царицын посланец с отобранными девицами достиг на обратном пути Иркутска...» [5, с. 8]. Исследователь «границ» XVIII–XIX вв. считает, что подобная анекдотичная подробность приближает «удаленного на века исследователя к его главной, по сути, цели: пониманию, «общему языку» с прошлым; напоминает об осторожности, осмотрительности даже в сравнительно недалеком историческом путешествии» [5, с. 8]. Представляется, что в нашем случае Камчатка являла собой не просто какую-то конечную/труднодостижимую территориальную границу Российской империи, а намерение ее высшего руководства противостоять Наполеону до конца – до победы.

Отступление русских армий сопровождалось высказыванием в императорском окружении мысли о целесообразности пребывания Александра I в столице. В доведении ее собственно до императора преуспел гр. А. А. Аракчеев. Тем самым отъезд царя в Санкт-Петербург представлял собой реализацию «идеи царской власти». Здесь следует прислушаться к А. Н. Боханову: «Русский подданный XVI, XVII, XVIII или XIX вв., веривший в «богоугодность» самодержавия, которое для него являлось синонимом Руси-России, за которую он был готов пожертвовать жизнью (и действительно жертвовал), был не хуже и не лучше ныне живущих атеистов, рационалистов и «носителей общечеловеческих ценностей». Он был во многом совсем другим, являлся человеком иной эпохи и иной системы личных и общественных приоритетов. Он много, очень много не знал из того, что открылось людям в последующем, но ему были доступны такие радости, такое духовное богатство, такие краски мира, которые большинству ныне живущих неведомы» [2, с. 21–22].

В своих рассуждениях об особе русского императора Е. Н. Понасенков дважды (!) доводит до читателя свое желание во время работы над монографией «назвать свою книгу **«Война Александра I против России в 1812 году»** [выделено исследователем. – Авт.]» [3, с. 363, 591]. Во втором случае даже утверждается, что подобное может быть реализовано уже «в переиздании данной монографии» [3, с. 591].

Е. Н. Понасенков пытается убедить читателя в возможности переиздания еще одного исследования. Он утверждает, что авторитетный российский историк А. Н. Сахаров публично сообщил о своем намерении сослаться на «Первую научную историю...» «в новом издании своей известной биографии Александра I», потому что «пересмотр исторических мифов – это «абсолютно правильно»» [3, с. 58]. Речь идет о монографии «Александр I» (1998 год издания), которая базируется на стремлении автора показать императора «как одного из первых реформаторов на троне нового времени России, как либерального самодержца, который, как и некоторые его соратники, в частности М. М. Сперанский, опередил российское время». Ссылаясь на мемуары А. Коленкура, А. Н. Сахаров однозначно утверждает, что Александр I готов был отступить до Камчатки, но не покориться неприятелю» [4, с. 227]. Он подчеркивает, что в отношении невозможности подписания мира с Наполеоном в ситуации нахождения неприятельских войск на территории России Александр I «был неумолим с первых и до последних дней войны» [4, с. 228].

Создается впечатление, что говоря о возможности скорректированных изданий прежних исследований, Е. Н. Понасенков позабыл крылатое выражение А. С. Пушкина: «В одну телегу впрячь не можно / Коня и трепетную лань». А между тем первый поэт России в «Первой научной истории...» нередко цитируем.

Библиографические ссылки

1. Блашков Ю. А. Новейший «Сатирикон» // Беларуская думка. 2012. № 11. С. 55–58.
2. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М. : Русское слово – РС, 2002. 352 с.
3. Понасенков Е. Н. Первая научная история войны 1812 года. М. : Издательство АСТ, 2017. 800 с.

4. Сахаров А. Н. Александр I. М. : Наука, 1998. 287 с.
5. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М. : Мысль, 1986. 368 с.